Граница пустоты (Kara no Kyoukai) 01 — Вид с высоты

Граница пустоты (Kara

Насу Киноко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перевод с японского — Alyeris, Takajun (baka-tsuki.net)
Перевод с английского — Костин Тимофей

Вашему вниманию представляется неофициальный любительский перевод первой из новелл японского писателя Насу Киноко, входящих в цикл «Кара но Кёкай» (Граница пустоты). — «Вид с высоты». Отчасти это — дань моего восхищения перед талантом этого писателя, необычного, отчасти — попытка разобраться в том, почему его тексты, такие незатейливые и даже примитивные по форме, оказывают поистине сногсшибательное воздействие. На меня, по крайней мере. Пронзительная меланхолия и тоска, отчетливое осознание смертности всего сущего в них смешиваются с тонкой романтикой и хрупкой надеждой. Откуда она берется — трудно сказать, ведь, как правило, в произведениях Насу Киноко все кончается как в жизни — то есть плохо. В первую очередь я, конечно, имею в виду «Сингецутан Цукихиме» (Легенда о лунной принцессе) — игру и аниме. Тесно связанный с ними цикл «Кара но Кёкай», который тоже недавно был экранизирован, наполнен той же атмосферой сдержанного безумия и безысходности, и к тому же необычным взглядом на проблемы восприятия реальности субъективным человеческим сознанием и своеобразным отношением к смерти. Но, поскольку оригиналом в данном случае является печатный текст, к тому же уже переведенный англоязычными подвижниками, мне захотелось попробовать передать эту атмосферу, эти ускользающие, трудноуловимые ощущения, которые я испытывал, богатыми художественными средствами русского языка — благо технически это было сделать проще, чем переводить игру.

Задача оказалась непростой: двойной перевод уже сам по себе мероприятие сомнительное, а тут ситуация осложнилась еще и тем, что текст Насу Киноко, по критическим отзывам самих же японцев, выглядит чрезмерно лаконичным, если не сказать — примитивным. Английский перевод тоже не блещет особенными художественными достоинствами, однако, судя по тому отрывку, что попал мне в руки, достаточно точно следует оригинальному японскому тексту. Я убедился, что для адекватной передачи мыслей автора русским языком в данном случае далеко отклоняться от авторского текста не потребовалось, хотя, конечно, пришлось зачастую манипулировать градусом эмоциональной напряженности — в английском тексте она была передана слишком сухо, и во многих местах просто неточно. Так

или иначе, это всего лишь эксперимент, и насколько он оказался удачным, можно будет судить лишь впоследствии, когда будет закончен весь цикл — да к тому же, переведенный с японского.

Закончив работу над первой частью, я обнаружил, что оказался не единственным активным русскоязычным поклонником Насу Киноко, и на сайте baka-tsuki.net уже появился аналогичный перевод. Что нельзя не приветствовать, поскольку разный (что и естественно) подход переводчиков позволяет отчетливо выявить трудности, с которыми им пришлось столкнуться и находки, которые они смогли сделать, занимаясь этим увлекательным, благодарным и упоительным делом. В конце концов, никто бы не стал корпеть над переводами, если бы это не доставляло удовольствие, верно?

Т. К.

- Насу Киноко
  - Граница пустоты: часть 01 00
  - Граница пустоты: часть 01 01
  - Граница пустоты: часть 01 02
  - Граница пустоты: часть 01 03
  - Граница пустоты: глава 01 04
  - Граница пустоты: Часть 01 05
  - Граница пустоты: часть 01 06
  - Граница пустоты: часть 01 07
- notes
  - 1
  - 2

Насу Киноко
Граница пустоты
(Kara no Kyoukai)
Вид с высоты
Фудзё Кирие. Танатос

Граница пустоты: часть 01 00

В тот день я шел по широкой главной улице города. Сам не знаю, почему отправился необычным маршрутом. Это была неожиданная прихоть, а я редко поддаюсь внезапным порывам.

Итак, я неторопливо шагал, скользя взглядом по примелькавшимся офисным зданиям, когда сверху рухнуло человеческое тело. Этот душераздирающий влажный звук — он пронизывал насквозь. Сорвавшись с крыши высотного здания, человек умер мгновенно, в этом не могло быть сомнений. По тротуару плеснуло алым. В глаза бросились черные длинные волосы, тонкие, хрупкие, белые руки и ноги… и совершенно разбитое лицо.

А вокруг стояло лето, уже клонящееся к концу и на память почему-то пришел засушенный и тонко сплющенный цветок, выпавший из старой книги.

Возможно, потому, что тело со сломанной тонкой шеей было так похоже на надломленную лилию…

Граница пустоты: часть 01 01

Был поздний вечер в начале августа, когда ко мне в дверь постучал Микия.

— Привет. Бездельничаешь как всегда, Шики[1]?

Незваный гость задержался у двери, чтобы разуться. Он говорил приветливо, но на его лице было расстроенное выражение.

— Представляешь, я видел по дороге сюда несчастный случай. Девушка спрыгнула с крыши. Самоубийство. Слышал, что такое уже происходило недавно, но и подумать не мог, что увижу своими глазами.

Он повернулся ко мне и продолжил:

— На, положи в холодильник.

Ко мне в руки упала пластиковая сумка с логотипом соседнего универмага. Внутри лежали две коробочки «Хааген-Дазс». Действительно, на улице было жарко. Мороженое растает, если не окажется в холодильнике.

Пока я лениво проверяла пакет, Микия поставил ботинки в уголок и прошел в комнату.

Мой дом — если это можно назвать домом — тесная квартирка в многоэтажном здании. Миновав крохотную прихожую, в которой и одному человеку не развернуться, гость попадал в единственную комнату — гостиную и спальню в одном лице. Поэтому мне пришлось подождать, пока Микия пройдет внутрь. Он двигался деловито, не смущаясь и не обращая внимания на буравящий его спину неодобрительный взгляд.

— Послушай, Шики. Ты же опять не ходила в школу? Неважно, какие у тебя отметки, но если будешь прогуливать обязательные дни посещения, в итоге так и не получишь аттестат. Или ты забыла про наше обещание вместе поступить в колледж?

— Кто ты такой, чтобы мне указывать, ходить в школу или нет? Во-первых, я не припомню никаких обещаний, а во-вторых, тебя самого выгнали из колледжа, так?

Мой холодный взгляд заставил Микия запнуться. Он выглядел расстроенным, пока пытался подобрать слова:

— Права указывать у меня нет, но…

Так и не дождавшись приглашения, Микия уселся прямо на пол посредине комнаты. Его спина явственно выражала уныние и разочарование. А ведь и верно, стоит его уколоть или обидеть, и все чувства становятся видны, как на ладони. Я вспомнила… да, я вспомнила об этом совсем недавно.

Устроившись на кровати, я подперла голову рукой. Он так и

не обернулся, поэтому мне оставалось только бесцельно рассматривать его спину — не слишком широкую для молодого человека.

Кокуто Микия. Его можно было бы назвать моим другом. Да, наверное, еще с начала старшей[2] школы.

Не обращая внимания на быстротекущую моду и пытающихся успеть за ней подростков, Микия принадлежал к тем редким мальчишкам, которые выглядят, как нормальные школьники. Он не красил волос и не отращивал нечесаную гриву до плеч. Не загорал дочерна и не обвешивался цепочками. Не хвастался дорогим мобильным телефоном и не бегал за девушками, как многие его сверстники. Не слишком высокий — сантиметров 170 — он ничем не выделялся из толпы. Разве что необычно доброжелательным, даже слегка беззащитным выражением лица с правильными чертами, которое подчеркивали огромные очки в старомодной черной оправе. Хотя, если бы он потрудился одеться чуть-чуть моднее, особенно теперь, когда уже не носил школьную форму, то мог бы рассчитывать на определенное внимание.

— Шики, ты меня слушаешь? Я видел твою мать. Недавно. И тебе бы не помешало хотя бы однажды нанести визит вежливости в усадьбу Рёги. Ты ведь не перемолвилась и словечком с родственниками за те два месяца, что выписалась из больницы?

— Меня это не волнует. Я ничего к ним не чувствую — и разговор не сделает нас ближе. Даже говоря с тобой, я все еще ощущаю странное отчуждение. Совершенно не желаю общаться с этими незнакомыми людьми.

— Но если ты будешь дичиться и дальше, ваши отношения так и не изменятся к лучшему. Никогда. Неправильно, когда члены одной семьи живут так близко и в то же время разделены молчанием.

Его слова заставили меня нахмуриться.

«Неправильно»? Но что я могу поделать? Между мной и родителями не было ни ссор, ни разногласий. Их дочь утратила все воспоминания — вот и все. Согласно букве закона и документам мы остаемся семьей. Так что же ему не нравится?

Микия всегда был чутким к тому, что думают окружающие. Слишком чутким, если вы спросите мое мнение.

Рёги Шики была моим другом со старшей школы.

Мы учились в известной и престижной частной школе. Практически все ее выпускники благополучно поступали в не менее престижные колледжи.

Когда я отправился узнать, прошел ли по конкурсу, имя Рёги Шики сразу же бросилось мне в глаза на высоком щите со списком фамилий поступивших. Я даже не удивился, когда мы

попали в один и тот же класс. И, как ни странно, мне единственному из одноклассников, удалось сблизиться с Шики.

Поскольку в нашей школе отсутствовала обязательная униформа, школьники могли смело самовыражаться через причудливую одежду. Шики выделялась даже среди них.

Она всегда носила кимоно.

Простая и изящная форма безукоризненно облегала стройную фигуру Шики. Ее сопровождала неуловимая атмосфера старины и родовых традиций. Даже когда Шики просто шла между партами современной безликой классной комнаты. Безыскусная красота одеяния Шики не оставляла шансов даже самым стильным рокерским нарядам. Рядом с ней они выглядели не лучше картинок из замшелого выпуска журнала мод десятилетней давности. Таким человеком была Шики.

Она выглядела самим совершенством.

Черные, блестящие, словно шелк волосы были небрежно пострижены ножницами. Самой хозяйкой, надо полагать. Но эта импровизированная короткая прическа, едва прикрывающая уши, совершенно необыкновенным образом подходила ее отчужденному и загадочному образу. Иные люди затруднялись определить с первого взгляда: женщина перед ними или мужчина. Шики выглядела настолько совершенной, что мужчины инстинктивно следовали за ней взглядами, как за девушкой, а женщинам она казалась прекрасным юношей. Как бы то ни было, она скорее выглядела отважной и решительной, чем женственной и милой.

Но куда больше, чем лицо и фигура, меня притягивали и захватывали глаза Шики. Строгий, временами пронизывающий, а иногда неожиданно задумчивый и даже мягкий взгляд из-под тонких, нервных бровей. Казалось, ее глаза проницают то, что недоступно обычным людям, и уже это одно притягивало мое внимание, словно магнитом. Я сам не мог понять, что она значила для меня.

Да.

Пока с Шики не случилась та история.

— Самоубийство. Прыжок с высоты. Микия, как ты считаешь, разве это можно считать несчастным случаем?

Микия поднял голову и серьезно задумался над этим непонятно к чему направленным вопросом. Даже слишком серьезно.

— Наверное, можно… хотя, если подумать… Ты права. Все не так просто. Раз это самоубийство, человек погиб. Но если он сам этого хотел, то больше некого винить, кроме его самого. И если падение с высоты всегда называют несчастным случаем, то…

— …То это не убийство и не безвременная смерть? Все равно, выглядит слишком вызывающе. Если им так хотелось покончить с собой, выбрали бы способ, который не заставит других подчищать за ними.

Мои слова слегка огорчили Микия, и он укоризненно оглянулся через плечо.

— Шики, нельзя так говорить об умерших.

В его голосе не было нравоучительных интонаций. Он действительно так считал. Я заранее знала, что он скажет, и отрезала:

— Кокуто, терпеть не могу твои обывательские рассуждения.

Может быть, ответ прозвучал грубовато, но Микия даже не моргнул — этим его было не пронять.

— Ого, ты сто лет меня так не называла!

— В самом деле?

Микия кивнул.

Я обращалась к нему двумя способами: по фамилии — Микия, или по имени — Кокуто. Но мне тяжело было произносить его имя… Не знаю, почему.

Пока я замешкалась, не зная, как бы ему ответить, Микия встрепенулся и хлопнул в ладоши, словно вспомнил что-то интересное:

— Кстати о диковинах. Моя сестра, Азака, тоже их видела.

Не понимая, на что он вдруг перевел разговор, я нахмурилась.

— Помнишь, о чем мы говорили? Девушки, которых по слухам видели парящими над зданием Фудзё. Ты ведь тоже видела их?

Да. Теперь я вспомнила.

Еще три недели назад по городу расползлись слухи о парящей над высоким офисным зданием в деловом районе человеческой фигуре. И если Азака видела ее своими глазами… значит, она действительно существует.

Два года, которые я пролежала в коме после несчастного случая, не прошли бесследно. Теперь я могла видеть вещи, которые не видел никто. Вещи, которые не должны существовать. Тоуко-сан говорила, что здесь имеет значение не столько «видение», сколько «восприятие». Другими словами, мои глаза и мозг теперь воспринимали мир на более высоком уровне, чем у обычных людей. Но меня не слишком интересовали ее объяснения.

— Я действительно несколько раз видела фигуру над зданием Фудзё. Но с тех пор прошло время и теперь я не знаю, осталась ли она там или исчезла.

— Вот как? А я иногда прохожу по той улице, но никогда не замечал ничего необыкновенного.

— Все потому, что ты носишь эти дурацкие очки.

— Не думаю, что дело в очках, — Микия не поддержал легкого тона и нахмурился.

Иногда его искренность и прямота просто выводили меня из себя, а иногда — восхищали. Но, наверняка, именно они мешали ему видеть невидимое.

Как бы то ни было, странные события с парящими и падающими людьми продолжались. Мне вдруг захотелось разобраться, и я сама не заметила, как начала размышлять вслух:

— Как ты думаешь, Микия, почему люди летают?

Микия не удивил этот неожиданный вопрос. Он пожал плечами и ответил, как ни в чем не бывало:

— Мне трудно сказать, почему люди летают и падают, ведь я никогда не делал ни того, ни другого.

Граница пустоты: часть 01 02

Той августовской ночью мне внезапно захотелось выйти на улицу. Месяц уже кончался, но все равно воздух был странно холоден для конца лета. Последний поезд прогрохотал колесами по насыпи, и город погрузился в безмолвие.

Холод и мертвенная тишина создавали странное впечатление пустого, вымершего города. Больного неизлечимой болезнью. Даже силуэты редких прохожих выглядели плоскими и блеклыми, словно сошли со старых фотографий.

…Мертвенность, болезненность, безжизненность, бескровность.

Неосвещенные здания и круглосуточные магазинчики… все они выглядели так, словно готовы рухнуть, устав притворяться — едва взор наблюдателя минует их.

И над всем этим сияла полная луна.

В мире, где все выглядело безжизненным, плоским и фальшивым, единственной живой и реальной казалась луна. От нее было больно глазам, она жгла их, словно кипяток.

Отвратительная ночь.

Выходя из дома, я накинула красную кожаную куртку поверх легкого голубого кимоно. Жесткая кожа прижала тонкую хлопчатобумажную ткань и натирала тело.

И даже куртка не слишком помогла… если бы холод действительно мог одолеть меня.

Даже во время полуночной прогулки на улицах встречались прохожие.

Человек, торопливо направляющийся домой, и устало опустивший лицо.

Парень, задумавшийся перед автоматом, продающим напитки.

Люди, собравшиеся перед круглосуточным магазинчиком.

Я пыталась представить себе причины, которые выгнали всех их на улицу в эту глухую ночь, но они не желали открываться взгляду стороннего и безучастного наблюдателя.

Не было внятной причины и у меня — для чего же я бреду по улице под этой жгучей луной?

Я просто машинально повторяла маршрут, ставший таким привычным.

…Два года назад.

Рёги Шики как раз собиралась перейти во второй класс старшей школы, когда произошел несчастный случай. Я оказалась в больнице.

Говорили, что мое тело практически не пострадало, но я ударилась головой.

С тех пор это тело оцепенело в бесконечной мертвенной коме.

Врачи поддерживали его существование. Наверное, лишь потому, что тело внешне выглядело нетронутым и продолжало бесцельно и бессмысленно цепляться за жизнь.

И вот, два месяца назад, Рёги Шики очнулась.

Доктора были настолько шокированы, что даже не пытались скрыть от меня удивление. Они совершенно не ожидали, что я вернусь к жизни, и были бы меньше поражены, если бы труп вдруг поднялся на ноги и зашагал. Не очень обнадеживающее открытие для пациента.

А для меня потрясением оказалось совершенно другое.

Память, хранившая воспоминания моих недолгих лет, теперь ощущалась совершенно чужой и странной.

Я не могла доверять этим воспоминаниям.

Совсем не похоже на расстройство памяти или то, что называется амнезией.

Если верить Тоуко, человеческая память состоит из четырех управляемых мозгом систем: записи, хранения, воспроизведения и распознавания.

«Запись» отвечает за то, чтобы обработать поступающие образы и перевести их в воспринимаемую мозгом форму.

«Хранение» занимается долговременным сохранением информации.

«Воспроизведение», то есть — процесс воспоминания, отвечает за вызов сохраненной информации, когда она требуется владельцу.

«Распознавание» нужно, чтобы убедиться в том, что вызванная информация относится именно к тем событиям, которые требуются.

Если какой-нибудь из этих процессов начинает работать с перебоями, это называют расстройством памяти. В зависимости от того, какая из систем нарушена, симптомы различаются.

В моем же случае все эти системы работали нормально. «Опознание» безукоризненно выдавало воспоминания, точно соответствующие событиям, которые происходили со мной… но я не чувствовала воспоминания своими.

Поэтому я не могла быть уверенной в своей прошлой сути. Я не чувствовала себя тем человеком, к кому обращались окружающие, называя его именем «Рёги Шики».

Воспоминания Рёги Шики были цельными и точными, но принять их как свои собственные я не могла. Хотя сомнений в

том, что я находилась в теле Рёги Шики, быть не могло.

Два года холодной пустоты превратили Рёги Шики в ничто.

Пусть окружающие этого и не замечали, бесконечное безмолвие уничтожило внутренние связи между моей личностью и хранившимися в памяти воспоминаниями. И память стала не более чем чередой незнакомых картинок и образов.

Конечно, благодаря этим картинкам, я смогла притворяться самой собой. Вести себя так же, как и раньше. Говорить с родителями и людьми, знавшими Рёги Шики, словно ничего не произошло. Но мои настоящие чувства к ним… Они были мертвы.

Если говорить начистоту, это так страшно давило на меня, что я едва выносила боль.

Мимикрия. В реальности… в реальности мое существование больше нельзя было назвать жизнью.

Словно новорожденный ребенок, я ничего не знала, ничего и никогда не испытывала раньше. Моя копилка знаний и ощущений была пуста. Но память — пусть и чужая — восемнадцати прожитых лет делала меня человеком, которого нельзя было заподозрить в ненормальности и отличить от других. Я получила в наследство чувства и переживания от всех событий прошлой жизни — они остались в памяти-хранилище. Но я никогда не переживала их на самом деле. И хуже всего было то, что даже если бы я захотела заново испытать, повторить их, в этом не было бы ни новизны, ни радости — ведь мое прошлое «я» уже испытало эти чувства. Словно скучающий зритель перед фокусником — тот, который уже знает все трюки и уловки насквозь.

Так получилось, что я продолжала вести себя в точности так же, как привыкла раньше, даже не чувствуя, что я живу.

Причина была проста.

Возможно, я смогу вернуть прежнюю себя.

Возможно, я смогу понять, что значили мои полуночные прогулки.

Да, можно было бы сказать, что я… влюблена в мое прошлое «я».

Подняв глаза, я поняла, что нахожусь в деловом районе города. Оказывается, в задумчивости я сама не заметила, что измерила шагами полгорода.

Равновеликие офисные здания выстроились по сторонам улицы в строгом порядке. В бесконечных стеклянных площадях, которые получились из их фасадов, истекала ледяным светом призрачная луна. Очерченные каймой тьмы громадные зеркала отражали друг друга колдовской бесконечной чередой.

Ночь была тихой и мертвой.

Кто теперь узнал бы аллею высоких деловых зданий в этом

мире колдовских теней, где за каждым углом чудились рыщущие монстры?

Призматический сталактит здания в глубине квартала поднимался намного выше других. Двадцатиэтажная громада подавляла своими размерами, превратившись в башню, достигающую верхушкой луны.

Здание носило имя строителей и владельцев, клана Фудзё.

На его гранях, обращенных, ко мне и тонущих в глубокой тени, не было ни единого отблеска, ни одного освещенного окна. Обитатели, если они и были, спали мертвым сном. Неудивительно — недавно пробило два часа ночи.

В это мгновение мой взгляд поймала и притянула, точно магнитом, едва различимая тень.

Силуэт парящей девушки. Это не метафора, она действительно парила в ледяном воздухе, в потоках лунного света.

Ни единого дуновения ветра.

Холод. Необычный для летней ночи.

Заставляющий стеклянно похрустывать кости.

— Вот как. Сегодня ты тоже здесь.

Мне не хотелось признавать, но глаза не обманывали.

Девушка, о которой мы говорили, плавала в ночном небе, точно пристроившись отдохнуть на хрустальном лунном диске.

Граница пустоты: часть 01 03

Я увидел себя – стрекозой.

Деловито стригущей воздух.

Бабочка пыталась следовать за мной, но стрекоза оказалась намного быстрее. Скоро бабочка обессилела, перестала трепетать крылышками и закружилась в медленном и плавном падении, вниз, вниз, вниз…

Последняя прощальная дуга.

Словно падающий в бездну сломанный цветок.

Пронзительно печальная картина.

Даже если мы не могли лететь вместе, мне хотелось бы остаться с ней хоть немного. Но это было невозможно. Повиснув в пустоте, я утратил способность двигаться, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Услышав чьи-то голоса, я поднял каменно тяжелые веки. Следовало бы еще немного поспать. Осудив себя за это недостойное желание, я поборол сонливость и приподнялся. Черт, мне должно быть стыдно за подобную неуклюжесть и бесцеремонность. Ведь я, надо полагать, так устал, просидев над чертежом всю ночь, что взял и заснул прямо в кабинете Тоуко-сан. Иначе никак не могло получиться так, что я лежал на кушетке прямо в мастерской, слыша голоса разговаривающих неподалеку о чем-то Тоуко-сан и Шики. Я приподнялся, жмурясь от яркого света.

Шики прислонилась к стене, сложив руки на груди, а Тоуко-сан свободно развалилась в кресле, заложив ногу за ногу.

– Утро доброе, Кокуто.

Острый взгляд Тоуко-сан уколол меня, но… это было нормально. Судя по тому, что на ее лице не было очков, я решил, что они с Шики разговаривали о «тех самых» вещах.

Она выглядела как всегда, да и одета была вполне буднично.

Собранные в пучок волосы открывали шею, делая Тоуко-сан слегка похожей на секретаршу. Хотя этот пронизывающий взгляд был настолько проницательным и даже пугающим, что едва ли нашелся бы безумец, который предложил бы ей подобную должность.

Тонкие черные брюки и свежая белая блузка дополняли ее свободный и независимый облик.

– Простите, я, кажется, задремал.

Жалкая попытка оправдаться.

– Можешь не объяснять, я и сама вижу, – ответила она, кинув в рот сигарету. – Если уж продрал глаза, то свари-ка лучше кофе.

Это будет неплохой реабилитацией.

Я не понял, что имела в виду Тоуко-сан. Наверное, все же – «разминку»? Но уточнять я не стал, а спросил:

– Тебе тоже, Шики?

– Не нужно. Я собираюсь отправиться досыпать.

Действительно, она выглядела так, словно и не ложилась.

Бродила по городу глубокой ночью, как раньше?

За комнатой, которая совмещала в себе офис Тоуко-сан и жилую комнату, сразу же находилась кухня. По краю раковины выстроились в ряд три крана, напоминая лабораторию, хотя два из них были туго затянуты металлическими лентами крест-накрест и не использовались. Почему, кстати? Я понятия не имел. Но, глядя на них, я всегда понимал, как чувствуют себя боксеры, когда стараются сбросить вес. Неудивительно, что они такие агрессивные.

Включив кофеварку, я приготовил две чашки: Тоуко-сан и себе. Варить кофе я умею превосходно, мало кто может похвастаться подобным мастерством. Неудивительно – приходится делать это очень часто. Хотя я устроился на эту работу совершенно по другой причине. Не затем, чтобы варить кофе или заваривать чай.

С тех пор, как меня наняли, прошло полгода.

Нет, слово «нанять» здесь не совсем подходит. Да и рабочим местом это трудно назвать. Хотя я пришел в этот офис-мастерскую, готовый день и ночь напролет варить кофе, рубить дрова или таскать воду. Наверное, потому, что с первого взгляда влюбился в работы его хозяйки.

Время жизни Шики остановилось в семнадцать лет, а я по инерции окончил школу и устроился в колледж: одиноко и бесцельно.

Ведь мы с Шики собирались поступать туда вместе.

Шансов на то, что она очнется от бесконечного сна, почти не было, и мне оставалось лишь выполнить обещание. В одиночку.

Но для меня ничто не изменилось. Став студентом, я так же бездумно жил сквозь пустые и одинаковые дни. Не зная, куда девать себя, однажды я по приглашению однокурсников забрел на незнакомую выставку и наткнулся на куклу.

Кукла была настолько хрупкой, утонченной и изысканной, что в ней было трудно признать творение рук человеческих. При всем невероятном сходстве застывшей фигурки с человеком, мастер отчетливо дал понять, что она никогда не двинет рукой, не повернет голову и не опустит ресниц – будет вечно пребывать в неподвижности.

Кукла была невероятно прекрасна.

Но мастер не пытался подделать человеческую жизнь. Он сумел передать внятное и четкое послание: есть границы, в которые могут ступить только живущие. И есть места, где властно лишь неживое, куда не дотянется рука человека.

Эта поразительная двойственность пронзила меня насквозь. Я пал ее жертвой, внезапно и безнадежно влюбился в это призрачно-хрупкое уравнение. В эту изящную фигурку.

Наверное, потому, что Шики тогда существовала в том же самом отчужденном мире. По тем же самым нечеловеческим законам.

Происхождение куклы было неизвестно.

В буклетах выставки не было ни малейшего намека на существование подобного экспоната.

Отчаянные и лихорадочные поиски дали результат: я выяснил, что автор представленной вне конкурса куклы – малоизвестный мастер, за которым тянулся хвост странных слухов.

Мало того, мастер оказался женщиной. Я узнал ее имя – Тоуко Аозаки. Если описать ее одним словом – экстравагантная отшельница. Она занималась не только изготовлением кукол, но строительным дизайном и конструированием. Творчество было ее стихией, она могла сконструировать все, что угодно, но никогда не принимала заказов со стороны, а являлась к недоумевающим потенциальным заказчикам и выкладывала на стол свои образцы. Получив аванс, она немедленно и быстро бралась за дело.

Ее можно было с равным основанием назвать или великолепной мастерицей, или большой чудачкой.

Неодолимое и странное любопытство подталкивало меня в спину. Даже зная, что этого делать не следует, я все же нашел ее адрес и сам не заметил, как уже звонил в дверь эксцентричной сумасбродки – теперь-то я уже мог подтвердить точность этого термина со всей определенностью.

Мастерская находилась далеко от центра города, в несколько двусмысленном месте: не относящемся ни к деловому району, ни к жилым кварталам.

Ее нельзя даже было назвать домом.

Это было заброшенное здание.

И даже не просто заброшенное, а недостроенный корпус офисного комплекса, который начали строить несколько лет назад, когда экономика Японии еще чувствовала себя неплохо. Наступивший перманентный кризис грубо прервал стройку на полпути, оставив лишь каркас здания с голыми бетонными стенами и потолками, без малейшей внутренней отделки.

По проекту в здании должно было быть шесть этажей, но

теперь над четвертным этажом зияла пустота. Ныне модно начинать строительство сверху вниз, но там использовались более традиционные методы, и пол недостроенного пятого этажа превратился в крышу.

Хотя здание было окружено высоким бетонным забором, попасть внутрь было легко. Поистине удивительно, что местные ребятишки еще не устроили здесь площадку для игр.

Как бы то ни было, я все равно сомневаюсь, что Тоуко Аозаки выкупила это задние в свою безраздельную собственность.

Комнатка, похожая на кухню, в которой я сейчас колдовал над кофеваркой, находилась на четвертом этаже. Второй и третий этажи занимали мастерские Тоуко-сан, поэтому обычно мы сидели и разговаривали на четвертом этаже.

… Ладно, вернемся к теме.

Я познакомился с Тоуко-сан, и неожиданно для себя самого начал работать здесь, бросив колледж, в который только что поступил.

Невероятно, но мне даже что-то платили.

По словам Тоуко-сан, люди делятся на две категории: те, кто созидает, и те, кто ищет. Те, кто могут использовать вещь, и те, кто могут ее уничтожить.

Она прямо сказала, что как созидатель я совершенно безнадежен. Но все же наняла меня. Как она выразилась, от меня может быть польза, как от искателя.

– Что так долго, Кокуто?

Услышав ее нетерпеливый голос из соседней комнаты, я взглянул на кофеварку: она как раз наполнилась порцией ароматной черной жидкости.

– Та, что была вчера – восьмая по счету. Люди скоро начнут замечать связь между ними, – вынув изо рта сигарету, неожиданно проговорила Тоуко-сан.

Она, должно быть, говорила об эпидемии недавних повторяющихся самоубийств старшеклассниц. Девушки кончали с собой, бросаясь с крыш высотных зданий.

Нетрудно было догадаться, почему она заинтересовалась этой темой: лето было скучным – настоящая засуха на новости.

– Неужели? Разве их было не шесть?

– Пока ты отсыпался, появились новые. Началось еще в июне, и дошло до того, что они падали по три в месяц. Может быть, за последние три дня месяца счет увеличится.

Тоуко-сан иногда говорит жуткие вещи. Я инстинктивно взглянул на календарь: остались всего три последних дня августа. Всего три дня?..

Какая-то мысль мелькнула по краю моего сознания. Я не

понял, какая именно, до того, как она ускользнула.

– Но я слышал, что между ними не было никакой связи. Все девочки-самоубийцы учились в разных школах и не были знакомы. Или полиция скрывает что-то?

– Не доверяешь людям? Непохоже на тебя, – усмехнулась Тоуко-сан.

Сняв очки, она становилась до невозможности едкой и насмешливой.

– Потому, что по телевидению не зачитали ни одной посмертной записки. Шесть… нет – восемь человек. Если их было так много, то хотя бы одна должна была бы оставить записку. И если полицейские ничего не говорят, невольно возникают подозрения, что их прячут нарочно.

– Это я и имела в виду, говоря о связи. Или, правильнее, точке соприкосновения. Свидетели видели больше половины из них во время прыжка: им никто не помогал. И полицейские не нашли ничего необычного в личной жизни девочек. Они не сидели на наркотиках, не попадали в сети религиозных сектантов. Стопроцентные, классические самоубийства – в какой-то момент у них стало так тяжело на душе, что, не думая ни о ком, они взяли и убили себя. Потому-то полицейские и не интересуются этими случаями слишком сильно.

– Вы хотите сказать, они и не собирались оставлять посмертных записок? – с сомнением в голосе поинтересовался я.

– Скорее всего, – кивнула Тоуко-сан.

Но разве такое возможно?

Задумавшись над этим противоречием, я взял кружку и отхлебнул ароматную горькую жидкость.

Почему же они ничего не оставили? Как правило, люди не убивают себя, не объяснив, что они хотят этим доказать, не оставив завещания.

Завещание – последняя ниточка, связывающая с реальным миром. Когда человек, сломавшись под невыносимым грузом реальности, вынужден покончить собой, он цепляется за эту возможность, чтобы бросить жестокому миру в лицо свое проклятие, сделать так, чтобы все узнали причину его гибели.

Самоубийство без выражения последнего желания.

Если они ушли, не заботясь об этом, то, получается, их уже ничто не связывало с этим миром. Они хотели исчезнуть без следа. Наверное, это можно назвать идеальным самоубийством. Хотя постойте, идеальное самоубийство должно быть обустроено так, чтобы не было не только посмертной записки, но и сама смерть осталась никем не замеченной.

Но ведь прыжок с крыши не отнесешь к идеальным

самоубийствам. Смерть, немедленно привлекающая внимание множества людей – это уже само по себе посмертное послание.

Что же получается?

Возможно, была иная причина. Кто-нибудь украл их волю, заставил так поступить?.. Нет, тогда это уже не было бы самоубийством.

Единственный логический ответ, который остается – это были просто несчастные случаи?

Девушки не собирались умирать. Поэтому и не было причины писать посмертные записки. Как будто они попали в аварию, выбежав ненадолго из дома.

Именно так и говорила Шики прошлой ночью.

Но, когда я попытался представить себе причину, которая заставила вышедших прогуляться девушек спрыгнуть с крыши, ход моих мыслей застопорился.

– Самоубийства закончатся на цифре восемь. Некоторое время их не будет.

Реплика Шики прервала мои размышления.

До сих пор она выглядела так, словно ее совершенно не интересует эта тема.

– Откуда ты знаешь?

Не спросить я не мог.

Шики отвела взгляд.

– Сходила и посмотрела. Там парили только восемь.

Ее красиво очерченные губы легко произнесли эти невозможные слова.

– Вот как? Оказывается, их было так много? И ты знала, сколько их, с самого начала, Шики?

– Да. Я закрыла этот вопрос. Поставила точку. Но девушки, думаю, еще останутся там еще ненадолго. Не скажу, что это меня радует… Кстати, Тоуко, неужели все люди, которые могут летать хоть немного, кончают так же печально?

– Не знаю. Все люди разные, но из тех, кто пытался летать, используя лишь человеческие силы, пока никто не преуспел. Слова «полет» и «падение» неразрывно связаны. Но чем больше тебя одолевает жажда полета, тем быстрее ты забываешь об этом. И даже после смерти рвешься ввысь, пытаясь прикоснуться к небесам. Бесконечное падение, но не вниз, а вверх, в небо.

Ответ Тоуко-сан заставил Шики нахмуриться.

Она рассердилась… но почему?

Я осторожно спросил:

– Э-э, послушайте, о чем вы говорите? Не понимаю.

– О призраке на вершине здания Фудзё, – ответила Тоуко-сан. – Не видела его своими глазами, и не могу сказать, какова была

его природа. Я даже подумывала сходить и посмотреть, когда выдастся свободная минутка, но, раз Шики уже уничтожила его, мы так и не узнаем, что это было.

Вот как. Они действительно рассуждали о потусторонних вещах.

Можно было сразу догадаться, увидав Тоуко-сан без очков.

– Ты ведь слышал историю о девушках, которых Шики видела парящими над зданием Фудзё? Это еще не все – люди говорили, что вокруг них скользила еще какая-то призрачная фигура. Может быть, они оставались над заданием Фудзё потому, что попались в чью-то сеть?

Эта история, которая становилась все сложнее и запутаннее, совершенно мне не нравилась.

Словно для того, чтобы озадачить меня еще больше, Тоуко-сан подвела итог:

– Другими словами, над Фудзё парил всего один человек и вокруг него – тени девушек, покончивших с собой. Призрачные. Понимаешь?

Я кивнул.

Хотя меня не оставляло чувство, что мне не захочется выслушивать эту историю еще раз, когда я узнаю, в чем дело.

Судя по тому, что сказала Шики, она уже разобралась с этим призраком.

С тех пор, как я познакомил этих двоих, прошло уже два месяца. Теперь мне приходится пожинать плоды в виде жутких рассказов. В отличие от этой парочки, мне, как обычному человеку, лучше было бы держаться подальше от подобных происшествий и разговоров о них. Но мне все же не хотелось, чтобы меня игнорировали, и я решил продолжать придерживаться нейтральной позиции.

Шики бросила на меня угрюмый взгляд.

Интересно, что я сделал, чтобы так ее разозлить?

– Но ведь Шики видела там призраков в начале июля? Тогда было всего четыре призрака, я правильно понял?

Мне просто хотелось уточнить, но Шики покачала головой.

– Восемь. Их было восемь с самого начала. И больше самоубийств не будет, на этой цифре все остановится. Но порядок будет обратным.

– Так ты хочешь сказать, что видела восемь призраков с самого начала? Как та странная ясновидящая девочка из телевизора?

– Ничего общего. Со мной все в порядке. Там ненормален сам воздух. Все дрожит и переливается, как на границе горячей и холодной воды.

Тоуко-сан немедленно подхватила тему, истолковав несколько двусмысленные слова Шики по-своему.

– Другими словами, получается, что время там течет неровно, захлестываясь в спирали и водовороты. И сроки, за который какая-то вещь полностью истлеет, рассыплется и сотрется – очень разные. Если хотите знать, индивидуальность человека и память о нем исчезают не одновременно. Когда человек умирает, разве воспоминания о нем немедленно растворяются? Совсем нет, верно? Пока существуют люди-очевидцы, носители воспоминаний, ничто не исчезает бесследно и немедленно. Воспоминания о человеке медленно тают, уплывают и растворяются. Если очевидцем оказывается среда, в которой жил и двигался человек, то воспоминания… нет, правильнее сказать – записи, некоторых особых людей в особых условиях – подобно этим девочкам – могут задержаться и бродить по городу в виде записей-иллюзий. Даже после смерти. Это часть феномена, который представляют собой «призраки». Но видят их лишь те люди, которые отчасти разделяют с ними воспоминания: родители, друзья. Шики – и здесь исключение. В движении подобных «временных голограмм» существуют разные аномалии, но на крыше зданий Фудзё время действительно еле ползет. Воспоминания о девушках, оставшиеся с тех пор, когда они еще были живы, никак не могут догнать нынешнее положение дел. И воспоминания-записи – живут. То, что там видели люди – движение их зыбких теней, потерявшихся в искаженном потоке времени.

Тоуко-сан зажгла следующую сигарету.

Она хотела сказать, что ушедшие в прошлое люди и события не исчезают, если, например, я их помню? Если я их помню – они живы, а… если они живы – их можно увидеть?

Это нечто похожее на галлюцинации… хотя нет, Тоуко-сан использовала слово «иллюзия». Иллюзия – так обозначают то, что не существует в вещественной форме.

Угрюмо заговорила Шики:

– Объяснения меня не слишком интересуют. Призраки неопасны. Что должно беспокоить – так это она. Я ее как следует проучила, но ее настоящее тело находится где-то еще. Если оставить так, то все может повториться снова и снова. Мне наскучило быть телохранительницей Микия.

– Согласна. О Фудзё Кирие я позабочусь. А ты отведи Кокуто домой… хотя нет, до конца его рабочего дня еще целых пять часов. Можешь пока поспать на том этаже.

Палец Тоуко-сан указал вниз. Комнаты вниз ни разу не подметали с прошлого года, и там было грязно, как в котельной.

Шики, как и ожидалось, проигнорировала ее щедрое приглашение. Вместо этого она пробуравила ее взглядом.

– Так что же это было?

Чародейка с сигаретой в зубах неторопливо прошлась по комнате и остановилась у окна. Задумчиво окинула взглядом летний пейзаж.

В комнате не было зажженных ламп, и она тонула в полумраке, освещаясь только естественным светом, падавшим из окна. Со своего места я не мог сказать, миновал уже полдень или нет.

Снаружи пылал ослепительный солнечный свет, очерчивая контур окна яркой каймой. Над пыльным двором дрожал нагретый воздух.

Тоуко-сан помолчала, потом негромко сказала:

– Для начала, следует определить, что означает ее полет.

Я, словно завороженный, следил, глядя ей в спину, как струйка табачного дыма вспыхивает в солнечных лучах. Силуэт Тоуко-сан в сияющей солнечной белизне казался зыбким дрожащим миражом.

– Кокуто, что ты думаешь, когда смотришь на мир с высоты?

Неожиданный вопрос выдернул меня из странного оцепенения.

Я не бывал на большой высоте с тех пор, как еще ребенком оказался на обзорной площадке Токийской башни. Вспомнить, о чем я тогда думал… это давалось с трудом. Единственное, что мне запомнилось – я старался рассмотреть оттуда свой дом, но так и не сумел.

– Какое все оттуда маленькое?

– Не пытайся отделаться глупостями, Кокуто, – холодно произнесла она.

Раньше мне не приходилось над этим задумываться, но невооруженным глазом было видно, что вопрос не так прост, как кажется. Я старательно задумался, пытаясь выдать более серьезный ответ.

– Трудно сказать, о чем именно я думал, но… я восхищался открывающимся простором. Вид с высоты ошеломляет.

Наверное, потому, что ответ был незатейливым и в то же время искренним, Тоуко-сан удовлетворенно кивнула. Не поворачиваясь от окна, она продолжила:

– Вид с высоты поражает воображение и заставляет душу трепетать. Даже самый скучный пейзаж кажется величественным. Но это не единственное чувство, которое вы испытываете, глядя на остальной мир, простирающийся у ваших ног. Вид с высоты пронизывает вас еще одним импульсом…

На слове «импульс» Тоуко-сан прервалась и задумалась.

– Импульс – это не то, что приходит к человеку изнутри, подобно остальным ощущениям. Правильнее сказать, это активное нечто, атакующее субъекта снаружи. Вовсе не обязательно следуя его собственному желанию. Часто – вопреки ему. Словно удар без предупреждения – вот что мы называем импульсом.

Какой же «удар» наносит нам вид с высоты?

«Отдаление». Слишком удаленная точка зрения четко отделяет наблюдателя от остального мира. Люди чувствуют себя в безопасности только тогда, когда их окружают вещи соизмеримой величины. Близкие вещи. Даже если у вас есть подробная карта, и вы видите на ней всю окружающую местность, это ведь не чувственная информация, верно? Она остается только умозрительным знанием. Мир, реальный мир для нас – это только то, что мы воспринимаем собственными органами чувств. Города, страны, континенты – мы воспринимаем их только рациональной частью сознания. И не прочувствуем их, не поверим в них до конца, пока не побываем там во плоти. В повседневной жизни в подобном способе восприятия мира нет ничего плохого – это нормально.

Но если перед вами открывается слишком далекий вид, начинает действовать опасное противоречие. Зона в десять шагов вокруг, которую вы действительно воспринимаете чувствами, в которой вы не сомневаетесь, – и десятикилометровый окоем вдали, на который вы смотрите глазами с высоты. И то, и то – части мира, в котором вы существуете, но… первая ощущается гораздо более реальной.

Понимаете? Вот оно, противоречие. Вы должны бы признать тот простирающийся перед вами громадный мир, в котором живете, гораздо более «своим», чем маленькую площадку на высоте. Но, как бы вы ни пытались, вы не чувствуете интимного родства с этим далеким миром.

Причина в том, что человеческое сознание всегда приучено считать более реальным то, что находится ближе. То, что окружает вас вплотную. Ваше рациональное «знание» о предмете и «знание», основанное на чувственном опыте, сталкиваются в лобовую, и, рано или поздно, одно из них должно будет уступить. Отсюда начинается смятение и тревога.

Я задумался. Какие мысли могут одолевать человека, смотрящего вниз?

«…Каким маленьким и жалким выглядит город отсюда. Не могу представить, что мой дом затерялся где-то там. Неужели этот парк так причудливо зажат границами соседних кварталов?

И я и понятия не имел, что там расположено. Это город… город о котором я ничего не знаю. Словно я приехал в совершенно незнакомое и далекое место…»

Такие странные мысли приносит высокая перспектива. Даже если человек еще не перешагнул невидимых границ, отделяющих его от города, на который он смотрит сверху вниз…

Конечно, высокое место отдалено от земли физически. Но Тоуко-сан имела в виду скорее ментальный аспект.

Отличие вида с высоты от обычного состоит только в том, что он отделен от пейзажа горизонтально и вертикально. Главное в точке зрения – можно или нельзя оттуда взирать на окружающее свысока.

– Итак, вы имеете в виду, что смотреть на мир с высоты опасно?

– Если ты зайдешь слишком далеко. В древние времена считалось, что небо – иной мир. Полет фактически равняется переходу в другое измерение, иномирье. Ты можешь утонуть, раствориться в чужом пространстве, если не защитишь себя с помощью технологии. Металла, к примеру. Если нет – ты потеряешь рассудок. Хотя, конечно, если должным образом подготовить и обезопасить свое восприятие, влияние высоты будет не столь сильным. Если у тебя есть прочный якорь, за который можно держаться, если ты крепко стоишь на ногах… Тогда ты снова станешь мыслить разумно, вернувшись на твердую землю.

В самом деле. Когда она упомянула об этом, я вспомнил, как однажды, стоя на краю школьной крыши, вдруг неожиданно спросил себя, что будет… если прыгнуть?

Конечно, это было несерьезно. Просто шутка… или не просто шутка?

Я не имел намерений на самом деле совершать такой странный поступок, почему же эта мысль пришла мне в голову. Мысль, прямиком и со всей очевидностью ведущая к смерти?

Тоуко-сан упомянула индивидуальные различия, но теперь очевидно, что думать о падении, стоя на высоте – обычное дело для большинства людей.

– Это означает, что человек на мгновение становится безумцем?

Тоуко-сан встретила вырвавшийся у меня вопрос сухим смешком:

– Людям свойственно мечтать о запретном, Кокуто. Грезить о шаге через границы, о сломанном табу. Представляя себе невозможные вещи и поступки, люди получают некое странное и извращенное удовольствие. Да, ты прав, что-то в этом роде.

Важно отметить то, что эти мысли одолевают жертву лишь в определенном месте. Не стоит об этом забывать. Поэтому, рассматривая подобный случай, я думаю, это не столько безумие, сколько оцепенение сознания.

– Тоуко, нельзя ли покороче? – нетерпеливо прервала ее Шики. Действительно, мы несколько уклонились от первоначальной темы.

– Считаешь, что эти слишком пространно? Но с позиций построения концепции мы всего лишь достигли второго этапа.

– Хочется услышать итог. Надоела ваша болтовня.

– Шики… – укоризненно начал я, но запнулся. Конечно, она говорила слишком ядовито, но в чем-то была права. Не обращая на меня внимания, Шики продолжала:

– Ты говорила, что смотреть с высоты опасно. Тогда чем это отличается от обычной точки зрения? Ведь даже шагая по дороге, мы смотрим на землю сверху.

Хотя Шики слишком уж очевидно искала прорехи в логике концепции Тоуко-сан, я оценил этот аргумент как серьезный.

Конечно, глаза человека находятся выше уровня земли. Тогда это значит, что мы постоянно взираем на землю с некоторой высоты. Чем же отличается этот взгляд по теории Тоуко-сан?

Та кивнула в ответ на слова Шики. Кажется, она была готова перейти к выводам.

– Земля, которую мы воспринимаем плоской, на самом деле немного искривлена. Но мы не замечаем этого. Точно так же и обычную точку зрения не назовешь взглядом с высоты. «Видение» – это вовсе не то, что передают твои глаза. Это то, что воспринимает мозг. Наше «видение» обычно защищено здравым смыслом и, конечно, мы не расцениваем высоту своего роста как настоящую высоту. Просто нормальный уровень отсчета. К понятию «высота» не имеет отношения.

С другой стороны, мы все живем с заложенным в нас понятием о «взгляде с высоты». Просто большая часть людей не придает этому значения. Я имею в виду не физическое зрение, а психическое. Тот, чье сознание несколько шире, пытается подняться выше. Но ему не покинуть клетки. Никогда. Люди сотворены для существования внутри клетки и только там они могут выжить. Человеку не дано смотреть взглядом богов. Перейдя черту, люди превращаются в чудовищ. Гипнос-иллюзия оборачивается в Танатос-смерть.

Произнося эти слова, Тоуко-сан не отрывала от окна того самого задумчивого «взгляда с высоты».

Пока я следил, как она смотрит вдаль, твердо стоя ногами на земле – я вспомнил, что без этого можно попасть в беду – перед

мои внутренним взором вдруг возникло зыбкое отражение последнего сна.

Бабочка упала на землю.

Может быть, она смогла бы порхать легче и грациознее, если бы не пыталась следовать за стрекозой. Да, трепеща крылышками лишь для парения, она продержалась бы в воздухе гораздо дольше.

Но, познав стремительность полета, бабочка уже не могла удержать рвущееся в высоту тело.

Плавному парению она предпочла полет.

Немного застеснявшись несвойственных мне поэтических сравнений, я тряхнул головой.

Тоуко-сан бросила окурок в окно.

– То мерцание на вершине здания Фудзё, скорее всего, было видимым отображением разрыва реальности, окружавшим ту женщину. Могу предположить, что необычность в воздухе, которую подметила Шики, представляла собой границу между внешним, реальным миром и внутренним пространством ее клетки. Далеко не каждое человеческое сознание способно воспринять подобную трещину, прерывность непрерывности.

Когда слова Тоуко-сан, наконец, прозвучали, Шики почти незаметно расслабилась. Вздохнув, она задумчиво посмотрела вдаль.

– Прерывность непрерывности? Хотела бы я знать, какую из сторон она считала своей?

Она выглядела незаинтересованной, но ее голос был серьезен.

Голос Тоуко-сан, наоборот, прозвучал слишком легко:

– Конечно, противоположную от тебя.

Таким был ответ.

Граница пустоты: глава 01 04

Ледяной холод заставил похрустывать кости.

Но откуда он происходил, снаружи ее тела или изнутри?

Едва подумав об этом и тут же забыв, Шики продолжала идти вперед.

В здании Фудзё не чувствовалось ни единственного следа человеческого присутствия. Было два часа ночи. Под потолком пустого холла помаргивали белые безжизненные люминесцентные лампы. Кремовые стелы в дальнем конце холла выглядели в искусственном свете настолько безжизненно, что производили впечатление декораций. Лучше бы их скрывала темнота.

Миновав турникет, Шики вошла в кабину лифта.

Там было пусто. В зеркале, составлявшем собой заднюю стенку лифта, отразилась фигура в красной кожаной куртке поверх голубого кимоно. В глазах застыло равнодушное выражение.

Взглянув на отражение, Шики вдавила кнопку со значком «R». Деликатно прозвенев, двери задвинулись, и мирок, в котором она оказалась, вознесся в высоту. Приводимая в действие силой механики и электричества клетка должна была достичь верхнего этажа в течение недолгих секунд.

Закрытое на время пространство. Ничто из внешнего мира не касалось сейчас Шики. Она замкнулась для всего, что могло бы поколебать ледяное спокойствие. Ничто снаружи не могло задеть намеренно опустошенное сознание. Эта маленькая клетка осталась единственным миром, который она воспринимала сейчас.

Двери беззвучно растворились. Снаружи простиралось совершенно иное пространство. Мир бесконечной темноты.

Выпустив Шики на площадку, где была только дверь, ведущая на крышу, лифт торопливо канул вниз, на первый этаж. Точно испугавшись чего-то. Лампы не горели, и в чернильной, болезненной темноте едва светились контуры внешней двери.

Шики шагнула к ней и толкнула наружу.

Беспросветная темнота сменилась прозрачной.

Поле зрения заполнил холодно переливающийся далекими и слабыми огоньками город.

Крыша здания Фудзё была плоской. Бетонную площадку ограждали металлические перила. Единственным сооружением здесь был водяной бак на крыше лифтового тамбура, из которого появилась Шики.

Крыша была простой и скучной. Но вид с нее не принадлежал этому миру.

Вид ночного города с высоты здания, минимум на десять этажей возвышающегося над окружающими домами, выглядел не столько красивым, сколько одиноким и неприкаянным. Словно с вершины бесконечно длинной лестницы вниз, в темную бездну глубокого моря. В загадочной придонной темноте помаргивали слабые огоньки, подобные обманным фонарикам рыб-удильщиков.

Если она могла сейчас охватить взглядом весь мир, то это был мир, погрузившийся в болезненный сон. Возможно, навсегда. Мертвое молчание стиснуло сердце куда сильнее холода. Намного больнее.

Ночное небо было хрустально ледяным. Невозможно далекие звезды сияли подобно алмазам. В черном занавесе была прорезана круглая дыра — луна. Легко было поверить, что луна — не зеркало, отражающее солнечные лучи, а отверстие, через которое можно увидеть другую сторону. В доме Рёги говорили, что на самом деле луна — врата в потусторонний мир.

С древних времен луна покровительствовала женщинам, магии… и смерти.

И посреди этой колдовской луны плавала человеческая фигура.

С восемью силуэтами девушек вокруг нее.

Белая фигура женщины в ночном небе была задрапирована светлой полупрозрачной тканью, похожей на длинное платье. Гладкие черные волосы ниспадали до талии, а белые руки и ноги были утонченно-изящны и хрупки.

Тонкие брови и холодные глаза были прекрасны. Можно было бы сказать, что ей около двадцати лет, если бы сама мысль о том, чтобы мерить призрачное создание человеческими годами, не казалась кощунственной.

Однако женщина не казалась лишь призрачной абстракцией. Она выглядела гораздо более реальной и плотной, чем призраки девушек, парящих вокруг. Их движения выглядели дерганными и смазанными, фигуры — расплывчатыми и неясными. Время от времени они практически исчезали, становясь полупрозрачными.

На крыше не было никого больше, только Шики, белая женщина и парящие вокруг нее кольцом, словно защищая, девушки.

От этого зрелища по коже пробирал мороз. Шики презрительно ухмыльнулась:

— Ты действительно — не из нашего мира.

В самом деле, красота белой женщины уже перешла грань

человеческой. Особенно прекрасными казались иссиня-черные волосы, подобные чистому шелку. Если бы над крышей задул ветер, они бы окружили ее змеящимся, переливающимся, блестящим ореолом.

— Мне придется убить тебя.

Взгляд женщины скользнул вниз — она услышала голос Шики. Она парила примерно в четырех метрах над крышей, а за ее спиной разверзлась сорокаметровая пропасть.

Их глаза встретились.

Слов не было. Им не требовалось говорить, чтобы понять намерения друг друга.

Шики запустила руку за отворот куртки и вынула нож. Оружие, больше напоминающее меч, с клинком длиной в ладонь.

Взгляд с высоты, наполненный смертью, подавлял, стараясь захватить сознание Шики.

Белая фигура дрогнула. Разматывая призрачные покрывала, поднялась хрупкая рука, нацелив в Шики тонкий палец. Цвет ее мертвенно-бледных рук что-то напомнил Шики:

… Выбеленная ветром кость или… или лилия.

В безветренной пустоте ночи слова словно повисли, надолго впаявшись в ледяное молчание.

Бледный палец указал прямо в грудь Шики.

На нее накатил вал враждебной воли, наполненной убийством.

Голова закружилась, легкое тело девушки качнулось назад, стараясь восстановить равновесие. Но всего лишь на один шаг.

Парящая женщина слегка заколебалась.

Пронизывающее насквозь внушение, настойчиво побуждающее — «лети!» — не сработало на незваной гостье.

Ее сила, позволяющая властно вкладывать в сознание людей ощущение того, что они отрываются от земли, теряют почву под ногами, до сих пор не давала осечки. Это было не просто внушение, а мощная ментальная волна, сносящая все преграды в испуганном рассудке жертвы, которой оставалось только беспомощно подчиниться. И попытаться взлететь. Или хотя бы в панике броситься бежать, пронизанной животным ужасом перед одной мыслью о полете. Но волна разбилась об Шики и схлынула, оставив только легкое головокружение.

Помедлив секунду, белая женщина повторила атаку, сделав контакт еще более плотным. И вложив не просто внушение — «ты можешь лететь», а тяжелый и жесткий приказ — «ты должна лететь»!

Но взгляд Шики уже нашел ее слабые места.

На обеих ногах, на спине. На левой груди. Невидимые для

других линии разрезов, «швы неминуемой смерти». Та, что пересекала грудь женщины идеально подходила для неотразимого удара. Даже если белая женщина была лишь образом, отражением. Шики могла убить даже бога, если он действительно существовал в реальности, неся на себе «швы неминуемой смерти».

Неотрывно глядя на парящее в темном небе враждебное существо, Шики медленно подняла перед лицом руку, в которой был зажат направленный острием назад нож.

На нее накатила очередная волна.

«… Я могу летать. Могу летать. Небо манит меня, притягивает к себе. Я парила и вчера, но сегодня взлечу снова. Еще выше. Свободно. Безмятежно. Счастливо… Скорее! Скорее! Мне… мне пора!..»

«В небо?.. Ты зовешь меня к свободе?»

«Да, да, да. Сбросить оковы реальности. Избавиться от тяжести. Выскользнуть из цепей. Слиться с небом, раствориться… Оторваться от земли. В полет, без тяжести мыслей и сознания!.. Идем. Идем. Идем, идем, идем… ИДЕМ же!!!»

— Да ты смеешься.

С этими словами Шики спокойно подняла пустую левую руку.

Уже не для защиты — внушение не действовало больше. Ее холодные слова словно следовали неслышной музыкальной теме, ложились на жесткий размеренный ритм:

— Во мне нет тяги к небу. Не чувствуя себя живой, я не знаю боли, что несет с собой жизнь. Если честно, ты мне не нужна. Не интересна.

Не ощущая привязанности к радости или горечи жизни, Шики не жаждала, как другие, избавления от этой сладкой боли. И не попалась в ловушку.

— Но то, что ты поймала его, мне не нравится. Я первая его нашла. И заберу обратно.

Ее левая рука схватила пустоту и потянула на себя.

Пойманная невидимой хваткой белая женщина подалась навстречу Шики, и, словно рыбки в сети, за ней последовали безмолвные тени девушек, парящие вокруг нее.

Лицо женщины исказилось, она отчаянно напряглась, обрушивая свою побуждающую к смерти волю на Шики. Беззвучный крик заставил все вокруг на мгновение выйти из фокуса и расплыться:

— Падай!!!

Проклятие не подействовало. Шики грозно парировала:

— Падай сама.

Лезвие пронзило грудь схваченной женщины. Легко, словно

яблоко. И так точно, что даже жертва не могла не оценить безупречности удара.

Крови не было.

Сокрушенная разящим ударом клинка белая женщина только вздрогнула. Шики без усилия швырнула ее тело через перила, в зияющую над безмолвным городом темную пустоту.

Миновав эту грань, тело женщины беззвучно и медленно ушло вниз. Ее волосы не трепетали на ветру, словно во сне, и силуэт в белых одеждах канул и растворился в океане темноты.

Подобно тонущему в чернильном океане цветку.

Развернувшись, Шики направилась к выходу с крыши.

Оставив за спиной призрачные силуэты парящих девушек.

Граница пустоты: Часть 01 05

Чудовищный удар.

Я вскинулась и очнулась, все еще чувствуя пронзающую мою грудь холодную сталь.

Насколько сильным нужно быть, чтобы так легко проткнуть насквозь человека. Или… дело было не в этом? Это не была жестокая, тупая и грубая сила. Нет, в ударе не было ничего лишнего, острие прошло гладко, чисто и изящно, не задев костей, скользя среди мускулов, словно обтекая их. Концентрация энергии и чувство меры, вложенное в удар, поражали.

Я отчетливо ощутила смерть, сокрушившую мое тело. Я слышала хруст своего распоротого и вскрытого сердца. Этот звук оказался гораздо страшнее, чем сама боль. Меня охватил страх и одновременно — странное наслаждение. Необычайной, невозможной остроты.

Ледяной холод и дрожь, промчавшиеся по позвоночнику, заставили помутиться рассудок, а тело — выгнуться в конвульсиях. Невероятное одиночество и скорбь, отчаянная жажда уходящей жизни заставили меня беззвучно зарыдать.

Нет от страха или боли.

Потому, что это чувство подступившей смерти оказалось таким пронизывающе-острым… даже для меня. Хотя я каждую ночь засыпала не зная, смогу ли встретить утро живой.

Спастись, избавиться от этого чувства было невозможно.

Я влюбилась в него, совершенно потеряв голову…

Раздался звук открывающейся двери. Часы недавно пробили два, и солнце ощутимо пекло сквозь закрытое окно. Время обхода еще не пришло, скорее всего, это был посетитель.

В моей одноместной больничной палате не было больше никого. Только яркие солнечные лучи, занавески, которые никогда не трепетали на ветру, и эта кровать.

— Простите, вы — Фудзё Кирие?

Посетитель оказался женщиной. Заговорив хрипловатым голосом, она подошла и остановилась над кроватью, не пытаясь присесть. Ее взгляд был отчетливо холодным.

Она была пугающей. В голосе и шагах отчетливо звучала угроза.

Но внутри, в глубине души, я была счастлива. Ведь прошло уже несколько лет с тех пор, как ко мне кто-то приходил. Я приняла бы любого, пусть даже саму смерть, пришедшую поговорить, прежде чем забрать меня с собой.

— Вы — мой враг, не правда ли?

Посетительница кивнула.

Я напряглась, пытаясь рассмотреть нежданную гостью.

…Из-за резкого солнечного света я видела только ее силуэт. На ней не было жакета, и отглаженная блузка делала ее немного похожей на учительницу. Я слегка успокоилась, хотя ярко-оранжевый галстук, слишком яркий для белой блузки, заставил меня поморщиться.

— Это… вы? Или вы… его знаете?

— Нет. Но я знакома с ними обоими: с тем, кого вы забрали, и с той, которая вас атаковала. У нас подобралась компания довольно странных людей, вы не находите? Должно быть, не повезло.

Говоря это, женщина потянулась и вытащила что-то из кармана. Потом, спохватившись, сунула обратно.

— Простите, забыла, что здесь не курят. Кроме того, у вас, как я погляжу, слабые легкие. Дым повредит вам.

В ее голосе прозвучало огорчение, и я поняла, что это была пачка сигарет. Мне ни разу в жизни не довелось прикоснуться к ним. Неожиданно захотелось посмотреть, какой станет гостья с сигаретой. Наверное, сигарета будет смотреться в ее руке так же естественно, как естественно брюки змеиной кожи обтягивают манекен в витрине.

— У вас плохо не только с легкими? По всему вашему телу — опухоли, а внутри саркома, еще хуже. Кажется, волосы — единственное, что еще здорово. Удивительно, все же, сколько в вас еще осталось сил. Ведь обычный человек умер бы уже давно, не перенеся этих тягот. Сколько же лет вы провели здесь, Фудзё Кирие?

Ответить я не смогла.

— Не знаю. Я давно потеряла счет.

Потому, что это было бессмысленно. Я не выйду отсюда до самой смерти.

Женщина кивнула:

— Понимаю.

В ее голосе не было ни сочувствия, ни вражды — мне это не понравилось. Ведь единственное, чего люди не жалели для меня — это сострадание. Она же не расщедрилась даже на это.

— Ваша грудь, которую проткнула Шики, не болит? Она сказала, что ударила точно в сердце, рядом с аортой. Предположу, что это был легочный клапан.

Сказав это совершенно нормальным тоном, она вопросительно посмотрела на меня. Удивительная женщина. Я не смогла сдержать улыбки.

— Вы странная. Разве я бы смогла говорить с вами, будь это

так? С рассеченным сердцем?

— Безусловно. Я спросила только уверенности ради.

Конечно. Она просто убедилась в том, что я была именно той, кого ударила странная девушка, одетая в причудливую смесь японской и европейской одежды.

— Эффект не замедлит сказаться. Глаза Шики могущественны. Даже если то существо было вашей второй ипостасью, удар настигнет и вас через некоторое время. Перед этим мне хотелось бы спросить вас кое о чем. Поэтому я и пришла.

Вторая ипостась? Должно быть, она имела в виду вторую «меня».

Она продолжала:

— Не могу представить себе, что это вы парили там в реальности. Можете объяснить, что же это было?

— Я не знаю, также как и вы. Много лет не видела уже ничего, кроме этого окна. И это было ужасно. Я смотрела на мир из него сверху вниз. Деревья меняли цвет с круговоротом сезонов, люди приходили и уходили из госпиталя. А я оставалась здесь. Они не услышали бы меня, даже если бы я кричала, и мои руки не могли дотронуться до живых листьев, как бы я ни тянула их. Эта комната пропитана моим страданием. Страдая, я ненавидела тот мир. Разве не это называют проклятием?

— Вот как. Надо полагать — это кровь Фудзё. Древняя чистокровная линия. Клан жрецов и служителей. Вероятно, их настоящей силой были проклятия. Сама фамилия Фудзё происходит от знака «фудзё», что значит — «нечистый».

Линия крови.

Моя семья. Она исчезла несколько лет назад. Вскоре после того, как я была госпитализирована, мои родители и брат погибли в автокатастрофе. С того времени мое пребывание здесь оплачивал друг отца.

— Проклятие не бывает бессознательным. Чего вы хотели добиться?

Я не знала сама. Даже ей не разобраться.

Но я ответила:

— Вам ведь не приходилось тянуться к внешнему миру? Отчаянно, безнадежно? Бесконечно? Столько лет, что вы утратили связь с реальностью? Я ненавидела, презирала и страшилась его. Я пожирала его глазами отсюда, не зная ни минуты покоя. И мои глаза стали странными. Чувствуя себя так, словно парю в небе, над этим садом, я взирала на мир с высоты. Это было чувство, словно мои глаза отделились от тела и сознания, бросив их здесь. Но сама я так и не смогла тронуться с места, и осталась тут,

безнадежно глядя вниз через окно.

— Вероятно, вы запечатлели этот вид в сознании так плотно, что смогли видеть его сразу со всех сторон… Тогда вы и начали терять зрение?

Удивительно. Она заметила, что я практически ослепла?

Мне осталось только кивнуть.

— Верно. Мир выцвел, и под конец вокруг не осталось ничего. Сначала я думала, что все исчезнет и растворится. Но ошиблась. Действительно исчезло все. По крайней мере, все, что можно было увидеть. Но это ничего не значило — мои глаза к тому времени уже парили отдельно от меня. И хотя все, что мне осталось видеть — пейзаж вокруг больницы, этого было достаточно. Я ведь все равно не могла выйти из нее. Ничего не изменилось. Ничего…

Кашель прервал меня. Мне так давно не приходилось столько разговаривать, что горло горело огнем.

— Понимаю. Ваше сознание ушло в небо. Но как получилось, что вы еще живы? Если бы призрак на крыше здания Фудзё нес его в себе, вы бы уже были мертвы от руки Шики.

Да, я и сама не могла понять, почему.

Та девушка… кажется, ее звали Шики. Как же она смогла пронзить меня? Ведь моя парящая в небе ипостась не могла коснуться материальных предметов, но в обмен и сама оставалась недосягаемой для всего вещественного. Но эта девушка убила ее, словно реальное, живое тело.

— Ответьте мне. Та Фудзё Кирие, что парила в небе — это были действительно вы?

— Нет. На самом деле — нет. Та «я», что парила в небе, давно оставила ту «меня», которая могла на небо лишь смотреть. Она улетела прочь. Меня бросила даже я сама.

Женщина подняла брови. Впервые на ее лице возникли следы каких-то чувств.

— Получается, ваше сознание не разделилось надвое. Был кто-то еще, кто дал вам, помимо одного вместилища души, новый сосуд. И вы контролировали два тела одним рассудком? Оказывается, все было совсем не так, как казалось.

Я не могла не согласиться.

Забыв о жалком положении своего реального «я», я смотрела на мир с высоты новыми глазами. Но ни одна из нас так и не смогла ступить ногой на твердую землю, и мы лишь бессильно и бесцельно парили в вышине. Мир за окном больничной палаты отверг меня — и я не могла больше стать его частью, как бы ни жаждала этого.

В итоге, мы все же оказались крепко связаны.

— Теперь понятно. Но разве вам недостаточно было грезить внешним миром? Не думаю, что стоило позволить тем девочкам падать.

— Девочкам?.. Ах, да. Тем девочкам, которым я так завидовала. Им не посчастливилось. Но я ничего не делала — они упали сами.

— Ваша ипостась на вершине здания Фудзё была скорее энергией, сгустком виртуальной воли. И вы это использовали, верно? Всех этих девушек с самого начала отличала способность к полету. Даже если она присутствовала лишь в виде образов в их сознании — хотя в некоторых могла быть и настоящая сила. Люди, летающие во сне, не так уж редки, хотя это почти никогда не приводит к неприятностям. Почему? Потому, что они делают это только во сне и не посягают творить подобное во время бодрствования, в здравом рассудке. Находясь же в бессознательном состоянии в своей кровати, они не могут причинить вреда ни себе, ни другим. Погибшие девушки отличались от обычных людей. Не будем вспоминать Питера Пэна, но гораздо легче летать во сне в детстве. Может быть, одна или две из них действительно парили во сне, а остальные лишь грезили о полете. Но вы заставили их непрерывно думать о полетах. Вы смогли заронить в них неистовую жажду, дали ощутить наяву тот безграничный восторг и освобождение, что сопровождает полеты в грезах. В результате они ощутили себя способными парить. И они были правы… но — только в бессознательности. Ведь летать лишь с помощью слабых человеческих сил очень трудно. Даже я бы не смогла проделать это без метелки. Шанс взлететь, находясь в сознании, очень низок. А они попытались повторить видения из своих грез. И случилось то, что и должно было случиться — девочки рухнули вниз.

— Да, они парили вокруг меня. Я надеялась, что они станут моими друзьями. Мне было очень больно узнать, что они лишь плавают, как рыбки, не замечая меня. Ведь в них не осталось сознания — они ничего не понимали и не воспринимали. И тогда я подумала, что, проснувшись, придя в себя, они все же осознают мое присутствие, и мы сможем поговорить. Только по этой причине я…

— Вам холодно? Вы дрожите.

Голос посетительницы был холодным и жестким, как пластик.

Дрожь не ушла, даже когда я обхватила себя руками. Жалкая картина.

— Позвольте мне спросить еще кое-что. Почему вы так жаждали неба? Ведь вы презирали внешний мир целиком, без

остатка.

Наверное, потому…

— Небу нет конца. И я подумала, что если улечу так далеко, как только смогу, то найду мир, который не захочется ненавидеть и презирать. Если бы я только смогла…

— И у вас получилось? Найти такой мир?

Меня трясло так, что уже начали выстукивать зубы. Глазам сделалось горячо.

Я смогла лишь еле заметно кивнуть.

— …Каждую ночь, засыпая, я страшилась, что не увижу следующего рассвета, что не доживу до завтра. Я знала, что мне могло просто не хватить сил вернуться из дремотного забытья.

Дни были, как туго натянулась струна, резонирующая страхом смерти. Но, может быть, именно поэтому я остро чувствовала себя живой. Ощущение подступающей смерти было единственной реальностью, на которую я могла опереться. Превратившись в пустую оболочку, точно сухую сброшенную шкурку цикады, я наслаждалась чувством жизни перед лицом неминуемо подступающего конца. Все верно. Смерть стала для меня гораздо ближе и роднее жизни. Свободно лететь, без границ, без преград… лететь, куда захочу.

— И вы выбрали моего мальчишку спутником в смерть?

— Нет. Тогда я еще не потеряла надежды, я еще не знала… Я цеплялась за жизнь и жаждала летать в этом мире. В мире живых. Я… надеялась, что смогу… вместе с ним…

— У вас с Шики много общего. Вы обе метались, ища избавления… и выбрали Кокуто. Хотя в том, чтобы искать счастье жизни, ощущение причастности к жизни в другом человеке, нет ничего плохого.

Кокуто. Вот в чем дело. Та девушка, Шики, пришла вернуть его обратно. Мой спаситель оказался и моей смертью. Какая ирония. Но я не чувствовала горечи сожаления от этой мысли.

— Он — настоящий ребенок в душе. Такой прямой и ясный. Он смог бы полететь куда угодно, если бы поверил, если бы попытался… Я хотела, чтобы он взял меня с собой.

Глазам снова сделалось горячо. На руку капнуло. Я… плакала?

Печаль стиснула мое сердце. Если бы я действительно смогла уйти с ним, оставить за спиной опостылевшие стены… я была бы счастлива? Кто знает— ведь это была лишь мечта. Мечта из разряда тех, что никогда не воплощаются в жизнь. Именно потому они так прекрасны и заставляют сердце сжиматься, а слезы капать сами по себе. Единственная мечта, которая у меня появилась за эти годы.

Гостья задумчиво покачала головой:

— Но небо не притягивало Кокуто к себе. Странно. Чем больше человек жаждет полета, тем дальше он от него, и наоборот. Какая ирония.

— Вы правы. У людей есть множество вещей, которые им не нужны. Я же могла лишь неподвижно парить в небе, не в силах сдвинуться и полететь. Все силы уходили на то, чтобы оставаться плавать в пустоте.

Жжение в глазах исчезло. Возможно, навсегда. Так же как и зрение.

Мне осталась лишь лихорадочная дрожь.

— Простите, что побеспокоила, — поднялась гостья. — Последний вопрос — что вы теперь собираетесь делать? Я могу излечить невидимую рану, которую нанесла вам Шики.

Я лишь молча покачала головой. Женщина слегка нахмурилась.

— Понимаю. Есть два пути к спасению. Бегство в никуда, без цели. И искупление. Первое можно назвать парением, второе — полетом. Каждый сам решает, какой путь избрать, когда его поведет за собой взгляд с высоты. Но выбирать, руководствуясь лишь терзающим чувством вины — неверно. Не грехи должны определять ваш дальнейший путь. Их следует терпеливо нести по тому пути, который вы сочтете правильным.

Гостья повернулась и вышла. Не назвав мне своего имени. Но я знала, что в этом не было необходимости.

Она знала, какой путь я изберу, с самого начала.

Ведь мне был недоступен свободный полет. Только парение.

Я была слишком слаба, чтобы искупить свои грехи, так, как она сказала. И я не могла одолеть искушения. Искушения, которое я ощутила вместе с той вспышкой света. Вспышкой, ослепившей меня, когда сталь пронзила сердце. Головокружительный водоворот смерти и четкий пульс жизни, смешавшиеся воедино. Я думала, что мне больше ничего не осталось. Но это была неправда: во мне осталась еще одна простая и внятная вещь.

Смерть.

Страх, который заставлял меня трепетать, пробегал ледяными коготками по позвоночнику. Познать ужас смерти, чтобы ощутить счастье жизни. Все немногое, что мне еще осталось. За все, от чего я отказалась, все, что миновало меня стороной. Но я не могла и мечтать о стремительной и сверкающей смерти, подобной той, что я испытала прошлой ночью. Та смерть пронзила меня, словно молния. Стремительно и остро, точно игла. Или меч.

И мне бы хотелось повторить это чувство. Так близко, как только возможно. Осталось еще несколько дней, чтобы подумать и выбрать. Хотя уже сейчас я осознала неизбежное. Я решила.

Это будет долгое падение с высоты.

Граница пустоты: часть 01 06

Вид с высоты.

Солнце садилось и мы оставили мастерскую Тоуко-сан в брошенном здании. Квартирка Шики располагалась совсем недалеко, а до моей еще нужно было минут двадцать ехать на электричке.

Шики, должно быть, устала, и сонно покачивалась на ходу. Но держалась рядом со мной, никуда не отходя.

— Микия, как ты думаешь, может ли быть оправдано самоубийство?

Она неожиданно заговорила. С лицом, затуманенным сомнением и печалью. Странная и трогательная картина.

— Не знаю. Но… если представить, что я заразился страшным вирусом, который может опустошить все Токио, убить всех, если я останусь жить и нести его в себе. Если люди будут спасены ценой моей смерти… да, тогда я бы тоже, наверное, убил себя.

— Что? Какие-то уж совсем невероятные условия выдумал.

— Подожди, я не закончил. Думаю, я сделал бы это потому, что я — слабый человек. Покончил бы с собой, не имея храбрости смотреть в лицо людям. Людям, которые превратились в моих врагов. Ведь так легче, верно? Храбрость на мгновение или груз, который придется нести весь остаток жизни. Ты понимаешь, что труднее. Самоубийство — это бегство, неважно, что к нему привело. И я вполне могу понять, что люди жаждут избавиться от боли и уйти. Мне ли судить их? Ведь я и сам — всего лишь слабый человек.

Я задумался.

Так, постойте. Получается, что я переношу свою гипотетическую ситуацию на всех остальных людей? Если я бы решил покончить с собой, то это — правильный путь? Принести себя в жертву — это одно, и, наверное, такой поступок можно даже назвать героическим. Но годится ли этот выход для любой ситуации? Неправда. Выбирать только смерть потому, что это кажется благородным — глупо. Жить, чтобы принять последствия своих действий, чтобы иметь возможность исправить свои ошибки — вот то, что требует гораздо большего мужества, чем бегство. Хотя… это звучит слишком громко. Не зная, хватило бы у меня самого сил на такое, я решил не озвучивать эту мысль.

Да… наверное, у каждого человека — по-своему.

Конец фразы повис в воздухе, и Шики глянула на меня с сомнением.

— Неправда. Ты не такой.

Шики словно видела меня насквозь. Она проговорила это с обычным угрюмым выражением лица, и слова прозвучали бы холодно, если бы не смысл, который она в них вложила. Почувствовав смущение, я ничего не ответил, и мы пошли дальше в молчании.

Шум и гул оживленной улицы, к перекрестку которой мы приближались. Гудки, урчание двигателей, голоса, музыка. Яркие рекламы, волны спешащих по своим делам людей — они готовы были принять нас и поглотить, растворить в себе без остатка. Когда мы минуем маленький супермаркет, справа уже будет видна железнодорожная станция.

В этот момент Шики остановилась.

— Микия, останься сегодня у меня.

— Что? С чего это вдруг?

Она потянула меня за собой, демонстрируя всем видом, что ей не нужна особенная причина.

Конечно, остаться у нее было гораздо удобнее — до ее квартиры было рукой подать. Хотя я чувствовал некоторую неловкость… а как же мораль? Если бы была какая-то причина, было бы лучше.

— Хорошо. Могу поскучать вместе с тобой в пустой комнате… или ты хочешь, чтобы я что-то сделал?

Напрасная попытка. Я прекрасно знал, что Шики не утруждает себя выдумыванием причин и оправданий. Но она посмотрела так, что не оставалось сомнений — виновником был именно я.

— Клубника.

— Э?

— Два клубничных мороженых. «Хааген Дазс». Они так и лежат с тех, как ты их притащил. Слопай их уже, тормоз.

Помолчав, я кивнул.

— Раз так, другое дело.

Действительно. Я купил их по дороге к Шики в прошлый раз. Было так жарко… но постойте, ведь сейчас уже почти сентябрь?..

С чувством, что упустил что-то важное, я почесал в затылке. Потом мотнул головой. Не стоит беспокоиться из-за пустяков. Все равно придется повиноваться. Но, чтобы Шики не расслаблялась, я решил немножко ее уколоть. Тем более как раз здесь скрывалось ее слабое место. И, когда я подпускал шпильку, она только хмурилась, но не находила, что сказать в ответ.

— Хорошо. Останусь у тебя, но… Слушай, Шики, — повернувшись к Шики, которая выжидательно смотрела на меня, я сделал серьезное и строгое лицо. — Нехорошо использовать такие грубые обороты речи. Ты же девушка, в конце концов.

Шики лишь сердито фыркнула и отвернулась.

Граница пустоты: часть 01 07

В тот день я шла по широкой главной улице города. Сама не знаю, почему отправилась необычным маршрутом. Это была неожиданная прихоть, а я редко поддаюсь внезапным порывам.

Итак, я неторопливо шагала, скользя взглядом по примелькавшимся офисным зданиям, когда сверху рухнуло человеческое тело. Этот душераздирающий влажный звук — он пронизывал насквозь. Сорвавшись с крыши высотного здания, человек умер мгновенно, в этом не могло быть сомнений. По тротуару плеснуло алым. В глаза бросились черные длинные волосы, тонкие, хрупкие и белые руки и ноги… и совершенно разбитое лицо.

А вокруг стояло лето, уже клонящееся к концу и на память почему-то пришел засушенный и тонко сплющенный цветок, выпавший из старой книги.

Возможно, потому, что тело со сломанной тонкой шеей было так похоже на надломленную лилию…

Я знала, кто это был. Гипнос-сон в конце концов вернулся, превратившись в Танатос-реальность. Азака догнала меня, когда я уже миновала собравшуюся толпу, не останавливаясь.

— Тоуко-сан, она покончила с собой! Прыгнула с крыши.

— Наверное, — рассеянно ответила я.

Если честно, меня это не интересовало. Самоубийство есть самоубийство, какую бы причину не нашел для себя человек. Ее последнее желание можно было выразить всего одним словом. Это было не «парение» или «полет», но «падение». Единственное, что я могла ощущать по отношению к ней — жалость. И больше ничего.

Азака продолжала:

— Я слышала, в прошлом году была цепочка самоубийств. Неужели она и сейчас продолжается? Не могу себе представить, о чем думают подобные люди. Вы не знаете, Тоуко-сан?

— Знаю, — ответила я, задумчиво меряя взглядом бесконечный небосклон, словно в поисках подтверждения. — Она не собиралась совершать самоубийство. Просто сегодня не смогла взлететь.

notes

Примечания

1

Произношение имени главной героини согласно системе Поливанова — Сики. Однако первый звук «си» является насколько мягким и шипящим, что правильнее будет передать его как «ши».

2

Японская система среднего образования разделяется на шестилетнюю младшую, трехлетнюю среднюю и трехлетнюю старшую школы